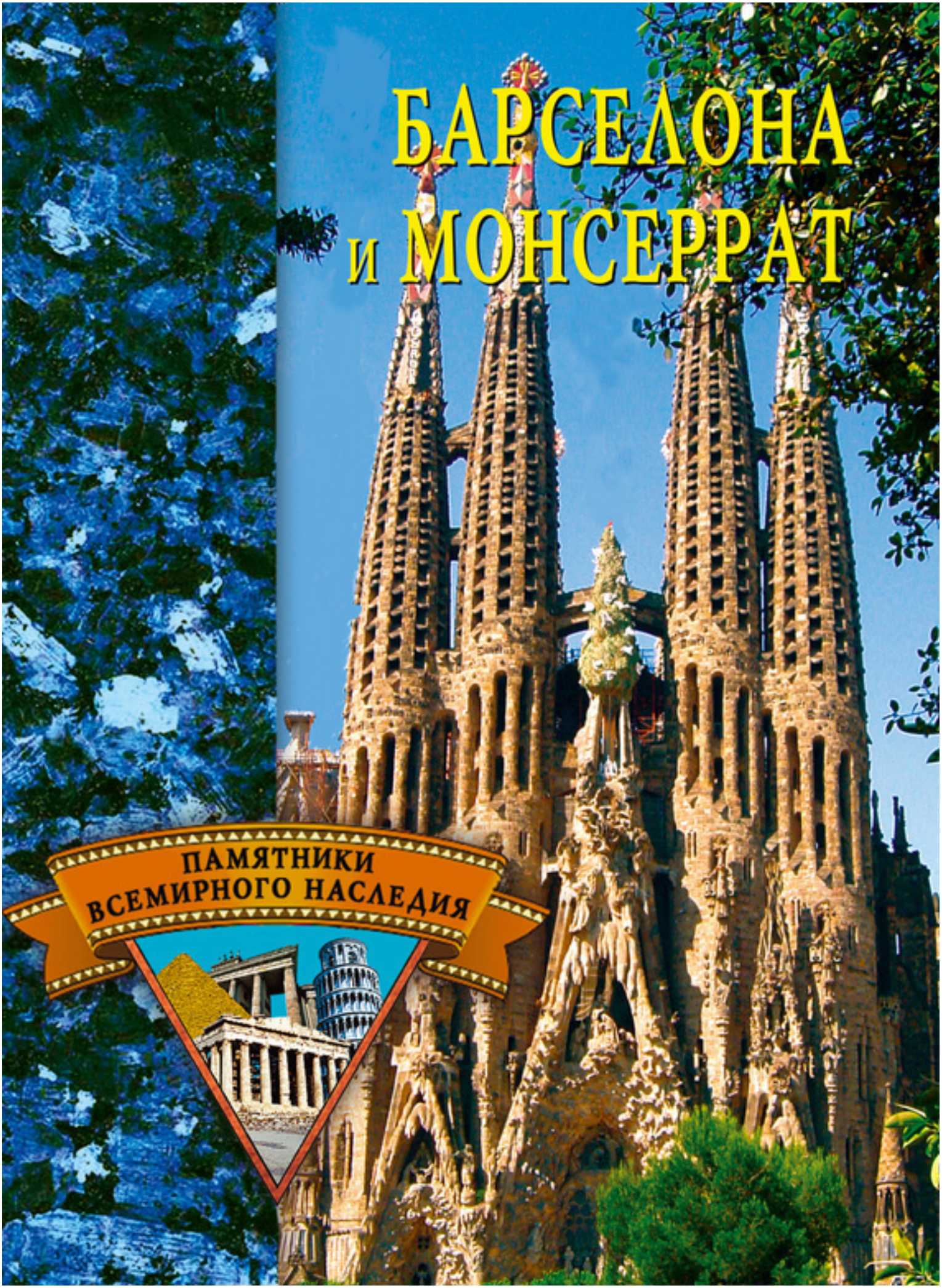
БАРСЕЛОНА и МОНСЕРРАТ



ПАМЯТНИКИ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

Памятники всемирного наследия

Елена Грицак

Барселона и Монсеррат

«ВЕЧЕ»
2006

Грицак Е. Н.

Барселона и Монсеррат / Е. Н. Грицак — «ВЕЧЕ»,
2006 — (Памятники всемирного наследия)

История Барселоны началась в те времена, когда легендарный карфагенянин Гамилькар Барка, отец Ганнибала, основал у подножия холма Манжуик поселение. Местные жители назвали свою деревню в его честь - Барсино. По своей красоте и уникальности Барселона может быть названа культурной столицей Испании. Ведь она подарила миру Антонио Гауди, Хуана Миро, Хосе Каррераса, Монсеррат Кабалье и Пабло Пикассо. Монсеррат - старейший бенедиктинский монастырь Испании, расположен на одноименной горе. Своеобразная красота Монсеррата была источником вдохновения многих испанских художников, музыкантов, поэтов. В разное время она привлекала путешественников, паломников и скалолазов.

© Грицак Е. Н., 2006
© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Введение 5
Барселона 7
Лайя, Барцино, Барсиона 8
Барселонская романика 20
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Елена Николаевна Грицак
Барселона и Монсеррат

Введение

Хороша была бы земля Каталония, если бы не лежала так близко к Кастилии.
Испанская пословица

Иностранный турист, отдыхающий на роскошном пляже Коста де Маресме или Коста-Брава, нисколько не сомневается в том, что пребывает в Испании. Однако, решив поделиться этой догадкой с кем-либо из местных жителей, он рискует услышать в ответ: «Простите, но вы в Каталонии…». Еще более резкую реакцию вызовет упоминание о здешних местах как о провинции. Не обидеть каталонца можно лишь похвалой его родине или, еще лучше, лестным сравнением ее с остальными частями страны: «Природа, люди и досуг в Каталонии лучше, чем в Испании». Каталонцы убеждены, что живут в самостоятельном государстве со столицей в Барселоне, имеют собственное правительство, свои флаг, валюту и уникальный каталанский язык, в котором чувствуется сильное влияние французской речи.

На дорогах вблизи административной границы Каталонии до сих пор можно обнаружить испаноязычные дорожные таблички, грубо выправленные красной эмалью на каталонский лад. В этом, весьма далеком от национализма, явлении материализована историческая память народа, уверенного в своей исключительности. Обозначенный на каждой местной карте ареал распространения каталанского языка повторяет границы империи, которая некогда именовалась Арагоном и существовала не только в воображении местных историков.

Часто меняя политический статус, Каталония всегда оставалась обособленной страной с древней культурой, со своим языком и установившейся за века традицией освободительной борьбы. В пору гражданской войны 1936 года ее народ поддерживал республиканцев, а после победы сторонников Франко подвергся острому преследованию за помощь врагу. Словно в ответ на гонения каталонская интеллигенция, ощутив обострение национальной гордости, сплотилась под знаменем патриотизма. Созданные тогда памятники, как уже случалось раньше, резко выделялись на фоне того, что появлялось в испанской культуре, поскольку были связаны с местными традициями, где исконно царило вольнодумство.

Панорама Барселоны

О независимости каталонцев позаботилась сама природа. Приграничная область на северо-востоке Испании отделена от соседних провинций низкими Каталонскими горами, а от Франции – высокими острыми хребтами Пиренеев. Внутренняя гряда, оберегая каталонский суверенитет, защищает побережье от сильных ветров и формирует особый микроклимат: не сухой и прохладный, как в центральных районах Испании, а умеренный, влажный, с обилием солнечных дней и практически непрерывным купальным сезоном. Ландшафт позволяет заниматься горнолыжным спортом, альпинизмом, открывая большие возможности для любителей охоты и пеших прогулок.

Каталония пересекается быстрыми полноводными реками, но истинное благополучие краю дарует море; теплое, щедрое, спокойное, оно предоставляет неистощимый источник богатства, который, в отличие от земли, здесь используется в полной мере. Около 600 км береговой линии вблизи Барселоны занимают знаменитые на весь мир курорты. Изумительная по красоте природа этих мест особенно привлекает дикими уголками, где в самых недоступных местах скрываются памятники далекого прошлого.

Барселона

Всего несколько песет, сеньоры, всего десяток песет, прогулка по гавани, великолепный вид, каравеллы, крепость, можно делать снимки…
Обращение барселонского лодочника к туристам

С давних пор поэты воспевают красоту Испании, но их восторги можно отнести лишь к прибрежным районам, где и вправду «все объято прозрачной, чистейшей атмосферой». В целом страна выглядит огромной пустыней, каменистой, пыльной, засыпанной камнями, позволяющей солнцу и сухим ветрам истреблять на себе любую растительность. Трудно представить более унылую картину, иногда только оживленную пригнутым к земле деревом или низким кустарником, который при близком знакомстве чаще оказывается перекати-полем. Тем не менее мертвая с виду почва на самом деле плодородна и при должном уходе могла бы давать хорошие урожаи. Видимо, правы были те, кто утверждает, что богатство лежит под ногами испанцев, стоит только наклониться, но гордый нрав не позволяет им сгибать спину, зато разрешает оставаться «хозяином своего голода», как раньше отзывались о себе жители бедных предместий Барселоны.

Испанский характер, медлительный, спокойный внешне и раскаленный от страсти внутри, дошел до крайности в каталонцах, которых природа одарила гораздо щедрее, чем остальных жителей Иберийского (ныне Пиренейского) полуострова. Их нрав удивительным образом повторяется в Пиренеях: обращенные к Франции роскошными лесами, к Испании они повернуты голыми скалами. В Каталонии постепенно заканчивается унылая пустыня и также медленно преображается характер народа, доходя от благородной кастильской лени до стоического упрямства. Обладая обостренным до предела чувством собственного достоинства, каталонцы всегда стремились к свободе. Они отгораживались от собратьев и успешно избавлялись от чужаков, подчас забывая, что именно им обязаны рождением своей столицы – прекрасной Барселоны, типично средиземноморского, по-французски изысканного, по-испански своеобразного города с длинной историей.

Лайя, Барцино, Барсиона

Первую страницу в летописи Барселоны невольно открыл карфагенянин Гамилькар Барка, в 237 году до н. э. расположивший свое войско у холма Монжуик (исп. Monjiuch), на узкой береговой полосе между морем и горной грядой Сьерра-де-Кольсерола. Полководец не стал возражать, когда соратники предложили назвать лагерь Барцино, в честь основателя. По прошествии веков трудно сказать, чем руководствовался легендарный воин, избрав для резиденции столь неприметное место, к тому же не обладавшее ни стратегическими, ни какими-либо иными достоинствами. До прихода финикийцев поселение именовалось Лайя, по греческому обозначению лайетан – исконных жителей этих мест.

Иберийское поселение близ Барселоны

Античные историки не утруждали себя подразделением народов полуострова, объединяя их под общим названием «иберы». Видимо, им было проще разграничить многочисленные племена по географическому признаку, отнеся их к внутренним землям и побережью. В число последних входили лайетане, которые, если верить эллинским источникам, приняли воинов Барки дружелюбно, но, кроме отсутствия вражды, никаких следов их взаимоотношений история не сохранила.

Более ощутимое влияние на иберийскую культуру оказали греки, обосновавшиеся в Испании намного раньше карфагенян. Эллины познакомили местных жителей с оливой и виноградом, научили отжимать масло, делать вино, то есть производить продукты, ставшие основой материального благополучия региона. Отдельные греческие историки осмеливались называть иберийскую культуру самой древней и наиболее высокой в Средиземноморье, конечно, после эллинской.

По внешности иберы во многом походили на современных каталонцев. Это были стройные люди с тонкими чертами лица, хотя, на взгляд цивилизованных греков, выглядели странно и дико. Суровых аборигенов отличали хриплые голоса и длинные волосы, уложен-

ные в неопрятную прическу. Привыкшие к трудностям, они были трудолюбивы, непоседливы, склонны к приключениям.

Племена с восточных берегов полуострова создали общество, подобное архаичной Элладе. Имевшиеся здесь большие торговые корабли бороздили прибрежные воды, доходя до Рима и Африки. Бывавшие в этих местах греки восхищались пестрыми многоцветными тканями, а также простым, но невероятно прочным полотном, из которого иберийские женщины шили кафтаны своим мужьям-воинам. Даже сельчане изредка надевали парадное, похожее на тогу платье, столь добротное, что носить его можно было долгие годы. Почтение вызывало самобытное оружие иберов, в частности колющий меч, позже заимствованный римлянами. По уверению древнегреческого историка Страбона, «они вывозят хлеб, много вина, масла не только большое количество, но и превосходного качества. К нам прежде приходило отсюда много шерстяных материй; в настоящее время их шерсть считается лучше нашей и действительно это верх красоты. Достойно похвалы наличие письменности и литературы. Нигде на земле нет столько золота, серебра, меди, железа как здесь… Каждый холм, каждая гора представляют собой кучу денег, насыпанную щедрой судьбой. Одним словом, всякий видевший эти места должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или бездонное казнохранилище какого-нибудь царства. В то же время местные отличаются простотой жизни, пьют воду, спят на голой земле и подобно женщинам носят длинные волосы, заплетая косы».

Иберийские женщины переняли у греческих пристрастие к богатым нарядам, украшениям и сложным прическам. «Дикарки» были красивы и умели одеваться со вкусом. В селах и городах того времени устраивались своеобразные модные шоу, где дамы представляли лучшие наряды и получали призы. Остаться без награды в этом соревновании считалось позором. Судя по вазовой живописи, мужчины-иберы носили короткие облегающие штаны, которые держались на подтяжках, перекрещенных на спине; мальчикам надевали короткие юбки. Лайетанские наемники в армии карфагенян даже во время похода красовались в элегантных туниках, чем резко выделялись от своих нецивилизованных собратьев из внутренних районов полуострова, одетых в овечьи шкуры и одежду из грубой шерсти. От шерстяных накидок исходил тошнотворный запах, и, кроме того, эта одежда не окрашивалась в пурпурный цвет, благодаря которому иберийские туники и куртки включались в число подарков императорам Рима. Каталонское одеяние, открытое спереди, с застегивающимся воротом и отворотами на груди считается прообразом знаменитого испанского плаща. Наряду с красными накидками, оно упоминалось в списках дани, выплачиваемой иберами римлянам.

Дама из Эльче. Экспонат музея Прадо

Если верить Страбону, «почти весь год иберы питались дубовыми желудями, из которых приготавливали хлеб, высушив их и размолов. Козье мясо они любят больше всего…». Тем не менее остатки больших сосудов дают основание полагать, что жители античной Каталонии все же пили вино и сумели достичь определенных успехов в его изготовлении. Керамику лайетане освоили в незапамятные времена; с приходом греков их вазы обрели изящные и разнообразные формы, но так и остались бесцветными, поскольку исконные жители полуострова не пожелали выведать у чужаков секрет лака. Зато постройки того времени во многом повторяли тип эллинского акрополя. Недалеко от Барселоны сохранилось циклопическое укрепление длиной около 150 м. Оборонительная стена трехметровой высоты была грубо сложена из камня и защищалась квадратными башнями, выполненными более тщательно, из тесаных и отполированных плит.

Жилые дома, как правило, имели квадратную или многоугольную форму, состояли из одной комнаты, в центре которой находился очаг. Типичный иберийский дом представлял

собой обыкновенную хижину с крышей из веток, со стенами из сырца или глины, установленными на каменный фундамент. Мебелью служили низкие каменные скамейки, полки на стенах заменяли шкафы, а брошенный на доски соломенный тюфяк предназначался для сна и отдыха.

Сельские мужчины уходили из дома на рассвете, возвращаясь в сумерках. Суровые будни перемежались с праздниками, когда соплеменники развлекались игрой на музыкальных инструментах и танцами. Впрочем, музыка вкупе с ритмичными движениями сопровождала ибера всю жизнь. Воины шли на битву, странно подпрыгивая под монотонные мелодии, при том громко распевая гимны. Танцевать, размахивая оружием, было принято у погребального костра, где таким образом отдавались почести пылающим останкам. Даже самые отсталые народности полуострова знали эпические поэмы. Матери рассказывали детям истории о подвигах предков. Лайетане увлекались стихосложением, рифмовали законы, слагали поэтичные легенды о героях прошлого.

Некрополь Кабрера де Матеро в окрестностях Барселоны принято называть иберийским, хотя многие обнаруженные в нем предметы относятся к греческой культуре. На то, что этот могильник устроен лайетанами, указывает его форма: выстроенный из больших необработанных камней прямоугольник, разделенный на несколько помещений узкими камерами. Каждый коридор имеет ширину не более метра и отмечен камнями, уложенными в виде звезды. Иберы закапывали урны с прахом покойного у подножия каждого камня в заранее подготовленное углубление. Сюда же родственники укладывали погребальную утварь, обычно состоящую из оружия, фибул и прочих украшений умершего, простых и красивых глиняных ваз, видимо, необходимых ему в загробной жизни. Помимо того, в Кабрера де Матеро найдены иберийские вещи из бронзы, греческие чернолаковые вазы в форме колокола, а также подносы с остатками трапезы: кости птиц, животных, рыб, скорлупа яиц. Странное разнообразие пищи приоткрывает завесу тайны свершавшихся здесь обрядов.

Серебряные патеры с гравированными сценами похорон. Экспонат археологического музея Барселоны

Сжигание покойника производилось на так называемых погребальных огнях в отдалении от гробницы. На похоронах вождей у костра устраивалась процессия, похожая на военный парад: всадники и отряды пеших воинов ровными рядами проходили мимо пылавшего предводителя, отдавая честь пением гимна. Сгоревшие останки почитались траурным танцем, певцы провозглашали подвиги усопшего, а когда пламя угасало, начинались траурные игры – состязания «иберийских гладиаторов», в которых принимало участие до 200 пар. Затем золу соби-

рали и помещали в урну, которую ставили в камеру вместе с едой и жертвенными дарами. На одной из найденных серебряных патер с гравированными сценами похорон голова животного припаяна в середине кольца. На обратной стороне посудины помещена круговая иберийская надпись. В некоторых гробницах обнаружены сломанные колеса, но это не говорит о том, что умершего привезли на колеснице. Колеса от повозки, вероятнее всего, были частью пожертвования. Оружие и ценные вещи проходили через погребальный огонь и позже помещались в урну либо рядом с ней. Сабли, дротики, копья и тяжелое оружие деформировалось, шлемы сминались во избежание повторного использования или осквернения. После всех положенных ритуалов отверстие замуровывалось, люди уходили, чтобы вскоре вернуться: гробница была рассчитана на несколько десятков тел, а в те времена люди жили недолго.

Бронзовая лошадка. Экспонат археологического музея Барселоны

Погребальную традицию иберов невозможно представить без вотивной пластики, как принято называть миниатюрные (10–20 см) статуэтки, предназначенные для дарения. В целом они представляют собой искусство, отвечающее вкусу простого народа, но иногда скульпторы возвышались над уровнем массового производства и создавали настоящие шедевры. К таковым относится бронзовая лошадка с седлом и упряжью. Подражая греческим образцам, иберийский мастер старался передать движение, для чего, вероятно, изучал работу мышц и конечностей животных.

На рубеже новой эры вотивная скульптура не представляла для иберов особых трудностей, поэтому отливалась в большом количестве: в археологическом музее Барселоны выставлено 1,5 из 4 тысяч таких фигурок. Среди них преобладают изображения людей, хотя есть и боги, и животные. Человеческие фигуры представляют собой образы мужчин и женщин в разнообразных проявлениях местного быта. Древние скульпторы сумели показать соплеменников протягивающими руки с дарами, молящимися, конными, пешими, готовым сесть на коня, рвущимися в бой, в удлиненных куртках, обнаженными, в накидках, скрывающих тело, или, по примеру греков, завернутыми в плащ так, чтобы осталось открытым плечо.

Голова мужчины. Известняк. Экспонат археологического музея Барселоны

В некоторых произведениях стилизованные волосы, глаза, драпировка одежды указывают на подражание греческому искусству, в то время как формы – компактные и тяжеловесные – дают основание отнести такие статуи к иберийской культуре. Создателя известняковой головы мужчины, ныне хранящейся в археологическом музее Барселоны, несомненно, вдохновляла фантазия, а может быть, он просто выполнял собственный портрет. Огромное количество предметов иберо-греческого происхождения обнаружено в 1907 году на развалинах античного поселения Эмпорий – единственного в своем роде памятника эллинской архи-

тектуры в Испании. Обнаружив вблизи Барселоны древний город, археологи посчитали его самой ранней колонией греков на Иберийском полуострове. Действительно, первые поселенцы прибыли сюда в VI веке до н. э., расположились сначала на острове, а затем освоили побережье. Впоследствии два поселка – Старый (лат. Paleopolis) и Новый (лат. Neopolis) – объединились с помощью насыпного моста, образовав полис. Поднимаясь до пятиметровой высоты, неровные ряды камней мола огибали прибрежный комплекс со всех сторон. С особой тщательностью охранялась южная стена, откуда чаще наступали финикийцы. Гарнизон располагался на трех башнях этой части сооружения, причем ворота между первой и второй стереглись непрерывно. Вход в крепость защищали двойные двери; первая представляла собой железную подъемную решетку, укрепленную на толстых столбах. Вторая двустворчатая дверь была сколочена из дубовых досок и держалась на обычных петлях. Перед воротами начиналась узкая улица, ведущая на площадь, где по античной традиции строились храмы.

Предполагается, что греческий полис был построен на месте ситания (иберийской деревни), поскольку на этом участке при раскопках обнаружились остатки более древних строений. С правой стороны улицы тянулся подземный арсенал: покидая город, греки оставили 2 тысячи свинцовых ядер для пращей, 60 наконечников стрел и катапульту. Не имея сельскохозяйственных угодий, город не обеспечивал себя продуктами, а жил за счет активной торговли, как заморской, так и местной. Среди эффектной греческой керамики в Эмпории были найдены примитивные сосуды из неокрашенной глины, характерные для иберийской культуры. В некрополе на южной окраине города находились и скромные могилы, и роскошные крытые черепицей, склепы. Обычай оставлять рядом с мертвыми богатые дары позволил сохранить для потомков лаковые сосуды, монеты, драгоценности, великолепные произведения скульптуры, ныне хранящиеся в музеях Барселоны.

Низкая серебряная ваза. Экспонат археологического музея Барселоны

Об изобразительном искусстве испанских эллинов можно судить по рисункам на кухонной, декоративной и косметической посуде. Особый интерес вызывают небольшие, изящной формы, щедро украшенные живописью сосуды, где греческие женщины хранили мази, лечебные смеси, ароматические эссенции, благовония. Самые древние из них относятся к началу греческой колонизации, то есть к VI веку до н. э., когда в Средиземноморье царила восточная культура. Мастера Греции работали в оригинальной технике, используя нехарактерные для своей цивилизации орнаменты и мотивы с изображением фантастических зверей, львов, химер. Типичными для эллинов являются немногим более поздняя чернофигурная керамика, в частности лекифы и алавастры с живописными сценами греческой жизни. Так, на одной вазе можно увидеть Тезея, побеждающего Минотавра, на другой – сражение у стен Трои, на третьей

– зарисовки на тему Олимпийских игр: стремительный бег атлетов, кулачный бой, гимнасты с удлиненными телами, выгнутыми, словно тетива лука.

Богатое собрание краснофигурной керамики позволяет познакомиться с этим видом гончарного искусства на примере лучших образцов. Отдельные и немногочисленные предметы выполнены в восточном стиле. Однако гораздо более сильное впечатление производят такие вещи, как амфоры и кувшины с аллегорическими фигурами, вазы с изображением вакханалий, легендарных битв и подвигов, совершенных гомеровскими героями. На большом куске разбитой пелики четко различимы два уникальных сюжета: свадьба Перитоя и так называемая кентавромахия, или бой кентавров, не настоящий, а разыгранный перед зрителями.

Главным экспонатом в античной коллекции археологического музея Барселоны является мраморная фигура Асклепия. Выполненная в рост человека, она вполне могла быть работой Агоракрита, самого известного ученика Фидия. Автор изобразил бога врачевания в плаще, сандалиях, его лицо выражает заботу о ближнем. По аналогии с подобными памятниками аттической эпохи (V век до н. э.), можно предположить, что вначале он держал в правой руке жезл, стоя рядом с извивающейся змеей. Однако со временем оба символа были утрачены вместе с рукой. Еще меньше время пощадило статую Артемиды или, по другому предположению, Афродиты – второй шедевр из Эмпория, возможно, созданный Праксителем либо Скопасом, но, несомненно, в эллинистическую эпоху (IV век до н. э.). Другие памятники греческого искусства являются всего лишь копиями, исполненными в Риме и попавшими на Иберийский полуостров в I веке до н. э.

Римские легионеры завоевали крошечный Барцино скорее для порядка, чем по необходимости. Как и предыдущие захватчики, они остались надолго, но, в отличие от предшественников, сумели ввести свои законы, язык, религию. Утверждение римской культуры проходило гораздо тяжелее эллинской, ведь жители Апеннин не отличались мягким нравом и к тому же относились к местным не так благосклонно, как греки.

Постоянная борьба за независимость сформировала в иберах выносливость, мужество, терпение, презрение к смерти. Осаждая города, легионеры не рассчитывали на пленных, поскольку знали, что свободолюбивые защитники пойдут на коллективное самоубийство даже при требовании сдать оружие. Почти каждый иберийский воин держал при себе яд и находил случай бежать или убить себя, если становился рабом случайно. В то же время никто из римских авторов не отрицал такие похвальные качества иберов, как великодушие, благородство, фанатичную преданность вождям. Данная однажды клятва не нарушалась, невзирая на смену условий и неблагоприятную ситуацию. Скрепленное договором слово было принято держать до конца, а при наступлении такового переносить на детей или наследников того, кому оно предназначалось. В римских ле-тописях описан случай, когда выраженная иберами благодарность за выгодный мир перешла от Тиберия Гракха к сыновьям полководца. Такой же факт зафиксирован в отношении Эмилия Павла и его приемного сына Сципиона.

Крепостная стена в иберийском поселении близ Барселоны

Особенности народного характера определяются условиями развития конкретного общества. Из трудов греко-римских писателей можно узнать, каковы они были у иберов, как политическая ситуация влияла на испанский нрав и традиции. Некоторые писатели называли имена иберийских героев, показывая, какими они были в быту и на войне. Будучи врагами, римляне отнюдь не воодушевлялись доблестями диких племен и, соответственно, не могли правильно оценить их качества. Ни один из римских поэтов не воспел вражеский героизм, как это сделал Гомер при описании Троянской войны. Юстин и Тацит далеко не лестными словами отзывались об иберах, которые молчали во время пыток и, чтобы случайно не проговориться на казни, распевали песни, будучи распятыми на кресте.

Вражда не помешала римлянам сделать широкий жест, превратив захолустное поселение лайетан в настоящий город под названием «Фавенция Пиа Августа Патерна Барцино». Обретя сложное и красивое имя, он получил статус центра Лайетании, вскоре став крупнейшим после Таррагоны населенным пунктом Ближней Испании, куда вместе с Каталонией входило все восточное побережье. В то время город защищала система крепостных укреплений, от которой в современной Барселоне сохранились ворота с башнями и фрагменты одной стены. Дворец римского наместника, административные здания, жилые дома, форум, театр, святилища располагались на самом высоком месте римской колонии – холме Табер, то есть там, где была обнаружена большая часть экспонатов археологического музея Барселоны. Остатки храма, возведенного во II веке н. э. в честь императора Августа, сохранились в одном из средневековых зданий на улице Каррер парадис. Рядом с античными развалинами живут и работают люди, нисколько не мешая туристам любоваться на четыре мощные, установленные на подиуме, коринфские колонны с каннелюрами и архитравом.

Сегодня о древнеримской Испании можно судить по скульптуре, бюстам военачальников, роскошным саркофагам, мозаикам, керамической посуде, не слишком хорошо сохранившимся архитектурным фрагментам. К последним относятся три угловые колонны, некогда принадлежавшие храму Августа, а сегодня украшающие Каталонское экскурсионное бюро.

Прямые улицы Фавенции Барцино пересекались под прямым углом, образуя редкую в мировом градостроительстве прямолинейную структуру. Длинные магистрали кардо и декуман тянулись от одной стены к другой и, пересекаясь крест-накрест, разделяли город на четыре

больших квартала. На протяжении многих веков каталонская столица разрушалась и перестраивалась, раздвигались ее границы, но заведенный римлянами порядок сохранился до наших дней. Не случайно сегодняшнюю Барселону иногда называют шахматной доской, в которой может заблудиться лишь очень плохой игрок.

Барселонская романика

Невозможно переоценить вклад мастеров Каталонии в развитие искусства Испании. Во времена Средневековья и Раннего Возрождения столица края – славный город Барселона – служил своеобразным художественным форпостом, через который вглубь полуострова, словно сквозь распахнутые ворота, проникали новые веяния. Быстро распространяясь в своем отечестве, передовая каталонская культура играла важную роль в испанском искусстве, способствуя преодолению его замкнутости и подъему международного авторитета. Живопись, скульптура, превосходное зодчество Испании долго не заслуживали признания, в отличие от литературы, возможно, потому что были слишком оригинальны, а следовательно, непонятны широкой публике.

На своеобразие каталонской культуры в немалой степени повлиял общественный уклад, но решающая роль все же принадлежала характеру жителей, которые рьяно отстаивали независимость тогда, когда другие испанские народы стремились к объединению. Первой попыткой единства можно назвать королевство вестготов, созданное на Иберийском полуострове в V веке. Видимо, новым хозяевам понравилось в Фавенции Барцино все, кроме названия. Лаконичное творение римлян было переименовано в Барсиону, но со временем варварский термин стал звучать мягче и преобразовался в Барселону. Заметно оживившийся в 531–554 годах город был резиденцией германских королей, пока они не перебрались в Толедо, после чего будущая столица Каталонии, едва вкусив славы, вновь стала захолустным поселком. Впрочем, за ним сохранился статус центра области, входившей в состав более крупной территориальной единицы – Готолунии, от которой произошло и к XII веку стало применяться официально слово «Каталония».

Древние оборонительные сооружения Барселоны

Попав под влияние римской культуры, германцы забыли свою религию. Взамен ярких образов солнца, земли, природных стихий они восприняли учение о едином Боге. Вначале непонятые тонкости христианской догматики проявлялись у них в форме арианства, представлявшего собой веру, в некотором роде уклонявшуюся от общепризнанной теории о единосущности Бога-отца и Бога-сына. Принятие христианства вестготами связано с деятельностью епископа Ульфилы, который первым перевел Библию на готский язык, способствовал устройству церквей в Барселоне и других городах, где обосновались варвары.

Культура пришельцев, так и не успевших почувствовать вкус цивилизованной жизни, находилась на низком уровне и к тому же была заимствована из Рима и Византии. В искусстве, как и в строительстве, вестготам недоставало мастерства, но сами художники, к счастью, об этом не догадывались, восполняя опыт старанием и особым пониманием красоты. Несмотря

на примитивность, их архитектура заключала в себе черты римского монументализма и византийской роскоши. Массивные постройки выглядели придавленными к земле, простую кладку стен еще не отягощал сплошной декор, появившийся в испанском искусстве гораздо позже. Тяжелые стены придавали домам сходство с крепостями. Неровные поверхности гармонично сочетались с перекрытиями, грубо сработанными из широких толстых досок и цельных бревен. Для зданий культового характера использовались коробовые своды, полуциркульные арки, в меру пышные колонны коринфского и смешанных ордеров, а также план – базиакальный римский или крестообразный греческий.

По словам латинского поэта Аврелия Пруденция, церкви готов походили на базилики, не отличались величиной, зато радовали взор богатством наружных и внутренних облицовок из разноцветного мрамора и яшмы. Религиозное усердие, конечно, повлияло на число храмов, но светская архитектура занимала в Барсионе отнюдь не последнее место.

Известная лишь по легендам, Готолуния ушла в небытие вместе с вестготскими королями, которые после трех веков царствования уступили свои владения арабам. Мусульмане прибыли из Северной Африки в 711 году, прошли через весь полуостров форсированным маршем и, не сумев укрепиться в северной его части, обосновались на юго-востоке, где создали рай под названием Ал-Андалус. Через два года после этих событий мусульманские владыки вошли в Барсиону, но город, видимо, их не заинтересовал, поскольку в самом начале следующего века его без труда захватили франки во главе с Людовиком Благочестивым.

Краткое пребывание мавров почти не повлияло на местную культуру, зато потомки Карла Великого сделали с полузабытой крепостью примерно то же, что и римляне: она снова стала городом и, более того, – центром самого крупного графства в составе Испанской марки, образованной из нескольких графств, вассально зависимых от империи Каролингов. Вначале правителями Барселоны поочередно становились то представители вестготской знати, то франки: Бера, Рамон, Бернард I Септиманский, Беренгер Тулузский, Бернард I Септиманский, граф Сунифред, узурпатор Гилльермо, Альдеран, Одальрик, Гунфрид, Бернард II Готский. Их владения, как и земли других каталонских владык, неуклонно увеличивались за счет отвоеванных у мавров земель. Своеволие местных вынуждало франкского короля назначать графов из числа своих, но с ослаблением империи слабела и зависимость каталонских графств. Растущее богатство и обретение самостоятельности сопровождалось процессом объединения в крупный политический союз. Таковой сформировался во время царствования младшего сына Людовика Благочестивого – Карла, вошедшего в историю под прозвищем Лысый. Он был хорошим воином и, видимо, неплохим политиком, если продержался на троне франкского королевства более 30 лет и к концу жизни получил от папы римского титул императора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.